

КОГДА СМОТРИШЬ спектакли нового для тебя театра, то прежде всего хочешь понять, в чем своеобразии этого коллектива, каковы его художественные устремления, что ищет он в искусстве. По отношению к Театру комедии из Бухареста, который впервые выступает в Москве, ответить на эти вопросы не так просто.

Театр молод, ему немногим более двух лет. Его искусство озорно и современно. И это, пожалуй, для него самое главное. По рядом с дорогими находками — просчеты: чувствуется неопытность молодости, подчас рациональный холодок мешает глубокому раскрытию характеров. Да и творческие симпатии театра еще не установились.

И все же, несомненно, близок ему Бертольт Брехт — социальной остротой, публицистичностью своей драматургии, резкой выразительностью режиссерского почерка. В репертуаре румынского театра — «Швейк во второй мировой войне». Это гневный, язвительный политический памфлет, написанный Брехтом в военные годы. В спектакле особенно наглядно проявились стремление бухарестцев к публицистичности, раздумью о войне и мире, о судьбе простого человека.

Еще не погас свет в зале, а уже маршируют бравые гитлеровцы. Это не люди, а лишь маски фашистских варваров. Их движения элиты воедино, как части огромного механизма. Сгущается мрак. Из тьмы, раскачиваясь, высовывают уродцы, чудовища — огромные головы на маленьких детских телах. Их легко узнать — Геринг, Геббельс, Гиммлер. Наконец, сам фюрер на фоне карты мира. Источно, крикливо звучат их голоса.

И так перед каждым актом. Все неистовее кричит фюрер, уже появились костыли у солдат, но они по-прежнему тупо маршируют. В этих выразительных специфических интермедиях, тонко и точно угаданных режиссером Лучианом Джуржеску, есть сарказм Брехта, гнев и ненависть Брехта, его нещадное обличение фашизма.

По воле мы в чешской харчевне «За стаканчиком». Сегодня здесь невесело: война, пьяные эсэсовцы, вечно голодный добродушный фотограф Балун (арт. Д. Саву), озабоченная хозяйка Анна Копецка (арт. Т. Вучучану-Ботез). И Швейк (Ф. Скарлатеску), какой-то очень обыватель, домашний, в клетчатом пиджаке и мягкой черной шляпе, с испуганными и вместе с тем насмешливыми глазами. Не повышая голоса, он обращается непосредственно к зрителям. Он не прочь пофилософствовать о «новом гитлеровском порядке», подшутить над соседом, улыбнуться хозяйке. Может быть, нет в нем той активной напористости, хитринки и простодушия, с которыми у многих связано представление о «бравом солдате»... Зато есть другое — человечность, душевность, внутренняя содержательность, мягкий, незлобивый юмор. Шутки Швейка — его органичное, естественное состояние, но безмятежность швейковской улыбки никого не обманывает. Для нас очевидны его любовь к родине, желание помочь людям, люта я ненависть к врагам.

Швейку веришь, за ним с интересом следишь. В каждой сцене — новые краски, новые актерские находки. В любых, даже самых неожиданных протесковских положениях артисту не изменяет чувство правды, ощущение жизненности образа. А режиссер не боится протесковских сатирических мазков — вся сцена, где солдаты, чтобы избежать

фронта, симулируют всяческие болезни, решена очень смело и неожиданно.

Однако единство брехтовского замысла и сценического решения, к сожалению, нарушается в финале. Третье действие: Швейк на фронте, в солдатской шинели, вьюга, встреча с полужамерзшими гитлеровцами — все это лишено действенности, созерцательно и вяло. Швейк засыпает, и возникает видение — далекая чешская харчевня, свадьба хозяйки, добродушный Балун, который наконец ест мясо, умирительная песенка...

Вдруг оцугились чуждые для спектакля сентиментальные тона. И как-то незамеченно, мимоходом промелькнули подвиги Швейка — помощь бежавшим солдатам, разоблачение гитлеровского священника. А ведь здесь Швейк уже не шутник и балагур, а борец против фашизма. Маленький простой человек взялся за оружие. Недаром Брехт завершает пьесу встречей Швейка и Гитлера, приговором Швейка: «Нет тебе дороги ни вперед, ни обратно». Именно эта сцена и не прозвучала в полный голос, не явилась логической концовкой произведения. Здесь брехтовская боеспособность превратилась в умирительное раздумье над горестями Швейка, оторванного от родного очага.

Борьба света и тьмы, борьба за торжество всего лучшего в человеке над мрачными силами прошлого — эгоизмом, подлостью, лицемерием, мещанской пустотой — эта тема, столь близкая Брехту, продолжена театром и в спектакле по пьесе Е. Шварца «Тень». Здесь за обобщенными сказочными образами, очищенными от бытовой конкретности, ощущается стремление к острому разоблачению буржуазных нравов, к прославлению человека-гуманиста, борца за все прекрасное, что есть в жизни. Не приняв безысходности андерсенской сказки, автор «Тени» создал гимн овободному человеческому духу.

Именно это прежде всего почувствовали и воплотили в сценических образах спектакля ре-

жиссер Д. Эсриг и художник И. Попеску-Удриште. Два мира, два мировоззрения противопоставлены друг другу: светлая, радостная убежденность Ученого, Аннунциаты и окружающая их завистливость, злоба, клевета, неуверенность в каждом наступающем часе. Даже внешне они различны: белый костюм Ученого резко выделяется на фоне всех этих черно-красно-желтых трико.

Если Ученый — артист Ю. Дарие — молод, пламенен, окрылен мечтами о будущем, Аннунциата — артистка В. Тастаман-Женей — артистка В. Тастаман-Женей — олицетворение пошлости, нежности, любви, то сама Тень и ее окружение очерчены сатирически, гротесково. В спектакле даже есть такая мизансцена: появляются неразлучные Пьетро (артист А. Пелля) и Цезарь Борджа (артист Д. Рукэряну), и каждый приставил к телу другого длинный нож — наглядное выражение их каннибальской сущности.

Удивительно пластичны и выразительны румынские артисты, особенно Тень — Г. Диника. Актер все время в движении, то извиваясь и пресмыкаясь, то принимая позу надменности и величия. Он великолепно владеет искусством пантомимы, а подчас и акробатии. С какой стремительностью и увлеченностью проводит он сцену обольщения Принцессы (артистка С. Тома)! Так же удачны актерские работы А. Василеску — Юлия Джули, Ф. Скарлатеску — министр финансов, Н. Гэрдеску — первый министр.

В финале все персонажи предстают бесплотными телами. Они пугливо мечутся по сцене и исчезают. Только Ученый и Аннунциата, взявшись за руки, идут вперед: их не сломить.

Интерес зрителей вызвала и современная румынская пьеса «Моя подружка Пикс» В. Галана, уже знакомая по русскому переводу. И здесь театр хочет говорить по-своему, на языке комедийного искусства, о больших вопросах жизни, морали, дружбы, любви. Не найдут себе места в новом мире такие люди, как Мастакан с его культом личной власти, эгоизмом, подозрительно-

стью к людям. Очень правдив и жизненно достоверен в этой роли Ш. Чеботарашу. Он нетрепленно уверен в своей правоте, в силе денег. Когда его сын протестует, уходит из дому, Мастакан даже несколько растерян — как же можно жить по-другому? Ведь он предан своему делу, работе. «Двадцать лет эти руки были в мозолях», — говорит он.

Образ, созданный Ш. Чеботарашу, настолько многогранен и убедителен, что лишними кажутся длительные рассуждения Мастакана, в частности, о Кайне — человеке с дублинкой. Думается, ошибка автора — недоверие к актеру, желание еще и еще раз подчеркнуть, разъяснить все то, что для зрителя уже давно очевидно.

Этот же недостаток чувствуется и в обрисовке образа Петре Цика — ограниченного и тупого бюрократа, который всех хочет заставить жить и даже отдыхать по заранее приготовленной инструкции. И здесь артист К. Константинеску сразу же раскрывает истинную сущность образа. Его дальнейшие поступки мало что добавляют к характеристике персонажа. А на сцене разоблачение и осуждение Цика происходит более чем наивно: выносить приговор, напоят его коньяком, а местная покорительница сердца Даниела решает во что бы то ни стало выйти за него замуж. Да и сам Мастакан вдруг неожиданно прозревает и примиряется с сыном и его подружкой Пикс.

Трогательна, наивна, простодушна Пикс — В. Тастаман-Женей. Встреча с Паулем открывает для нее новый мир чувств, любви. Пауль В. Плэтэрэну порывист, несдержан, не сразу понимает свою подружку. Он даже легкомысленно поддается соблазнам Даниелы. Кстати, не слишком ли снисходительно прощают это ему и сама Пикс, и автор пьесы?

Каков же он, Румынский театр комедии — наш гость из Бухареста? Молодой и ищущий. При всей условности своего искусства он твердо стоит на реалистических позициях, которым верен художественный руководитель театра Раду Белиган. И, может быть, самое ценное — это желание говорить со зрителем о главном, волнующем, о сегодняшнем дне, наполненном трудностями и радостями созидания.

Н. ПУТИНЦЕВ.

Наши ГОСТИ

АЗ 

15 ОКТ 1963